

В В. Зеньковский

Идея православной культуры

Европа переживает небывалый духовный кризис, в своих основах наметившийся давно, но с особой остротой обнаружившийся лишь после великой войны. Европейская культура давно уже была полна глубоких противоречий, медленно созревавших в ней, но только война обнажила перед всеми это потрясение самых основ жизни, только война заострила сознание невозможности оставаться при том внутреннем разложении и распаде, который неотвратимо присущ современной культуре. Если до войны лишь немногие ощущали этот глубочайший кризис культуры, то после войны духовное потрясение чувствуется уже широкими кругами. Духовная растерянность усиливается сознанием внутренней безысходности, так как потрясены самые основы культуры. Европейское человечество зашло в тупик, и сознание этого приобретает тем более трагический отсвет, что техническая и материальная мощь культуры остается прежней...

Европа начинает пугливо и напряженно искать коренного и существенного перелома, искать новой почвы, на которой можно было бы начать творческую работу. По-разному переживают это сотрясение народы Европы, нередко мятущиеся души устремляются по линии наименьшего сопротивления, бросаются за крайними лозунгами, увлекаются идеями анархизма,

социальной революции. Но при всем этом разнообразии проявлений внутреннего смятения в душе современного человека над всем доминирует одна и та же нота тревожного искания, жуткого предчувствия безысходности... Конечно, процесс внутреннего распада культуры еще долго может идти на пользу творчеству в обособившихся сферах жизни, но как бы ни была велика сила исторической инерции, какие бы новые завоевания техники и творчества ни ждали человечество на этих проторенных путях, нельзя скрыть факт глубочайшего надлома европейской культуры в самых ее основах. Никогда европейский мир так не нуждался в духовном возврате к самому себе, никогда он так не нуждался во внутреннем обновлении, как после войны, создавшей столько социальных и индивидуальных потрясений, — и потому никогда внутреннее иссякание культуры не ощущалось с такой силой, как теперь. Пусть техническая культура Запада достигла в наше время той зрелости, при которой она может развиваться бесконечно долго и успешно, но в ней иссякает ее дух, иссякают те источники, питаются которыми жила Европа.

Для нас, русских, этот кризис европейской культуры не является чужим, мы не стоим перед ним как посторонние зрители. Правда, мы поздно сблизились с Европой, поздно приобщились к ее культуре, но все-таки для нас Европа, по известному выражению Достоевского, является второй родиной. Мы не только все питались культурой Европы, но и деятельно вошли в ее работу, стали не последними участниками культурного творчества Европы. В этом смысле русская культура, с таким блеском развернувшаяся в течение XIX века, может быть названа одной из провинциальных культур Европы, ибо мы во многом шли туда же, куда шла вся Европа, жили ее замыслами и задачами, волновались ее проблемами. Русская культура так настойчиво вбирала в себя все то, что вырабатывалось на Западе, что одним из величайших вождей русской культуры задача наша трактовалась как всечеловеческий синтез, как объединение и примирение всего великого и достойного, что выдвинул Запад. Вот почему мы не можем не болеть болезнями За-

пада, вот почему мы не можем не отзываться на его тревоги, — мы носим в себе не только конгениальную отзывчивость на искания мятущейся души западного человека, но мы считаем себя коренными европейцами и глубоко переживаем трагические дни Запада. Еще Герцен писал, что «мы являемся в Европу с ее собственным идеалом и верой в него»: да, идеалы Европы, ее глубокие движения, ее внутренняя борьба с собой не только не чужды нам, но нередко всецело захватывают нас, больше, быть может, чем западного человека. Болезнями Европы мы болеем так глубоко, как только возможно для нас, — порой даже до отречения от своей родины...

Но русская культура, во всем своем целом, никак все же не может быть охарактеризована только как провинциальная культура Запада, — в нашей культуре звучат и иные тона, намечаются и иные перспективы. Мы до конца вбирали в себя культуру Запада, но не одной ею мы жили; своеобразие русского гения успело выразиться за полтора века с такой ясностью, что мятущийся Запад к нам именно и обращается с надеждой во взоре. Мы — европейцы в своей культуре, но не только европейцы: в нас есть еще нечто иное, свое еще не понятое не только Западом, но, может быть, и нами, и именно это свое в нас и влечет Запад, оно-то и дает нам возможность не только глубоко переживать трагедию Запада как свою собственную трагедию, но дает нам и силы подойти к проблемам Запада свободно и самостоятельно. У нас есть своя точка опоры, которой не знает Запад, есть свои источники питания, которыми лишь случайно и тайно питался он. Русская культура все больше разветвляется в новую мировую культуру, в новый тип культуры, и это дает нам право подойти к кризису Запада в свете тех новых путей, которые открываются перед русской культурой.

Всякая культура религиозна в своем основном смысле, хотя бы ее эмпирическое содержание и стояло вне религии. Этот тезис особенно ясно выступает в отношении западной культуры, содержание которой так часто бывает не только внецерковным и внерелигиозным, но даже и антицерковным и антирелигиозным. Но как раз именно то течение, которое выразило послед-